

В.Д. Юшковский

РЕЦЕНЗИЯ. НОВАЯ РАБОТА О ДЕКАБРИСТАХ В СИБИРИ. В.П. БОЙКО «ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРИ: ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО, ОБРАЗ ЖИЗНИ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК». ТОМСК: ИЗД-ВО ТГАСУ, 2013. 217 с.

Современное декабристоведение переживает тяжелый, затянувшийся кризис. Такое наблюдение уже не нуждается в обстоятельном подтверждении, настолько оно очевидно. Историческая мысль предшествующего, советского периода, как ни парадоксально, была в этом отношении гораздо более плодотворна, несмотря на жесткие методологические и идеологические рамки. Сама тема декабристского движения, во всей ее полноте, сегодня отходит на периферию актуальных научных исследований. При том, что истоки отечественного общественного сознания, русской либерально-реформаторской традиции, основополагающих культурных явлений, бесспорно, связаны с декабризмом. Тем любопытнее попытки прервать «заговор молчания», актуализировать декабристскую проблематику, переосмыслить известные положения на новом документальном материале или по-новому взглянуть на существующие, доступные источники.

В этой связи представляет интерес монография В.П. Бойко. Она вышла достаточно скромным, даже по сегодняшним меркам, тиражом, но это обстоятельство, хочется думать, не позволит книге остаться незамеченной. Исследование выполнено в традиционном ключе, находится в русле привычных структурных канонов и вместе с тем обнаруживает стремление сказать *свое* слово в изучении этой, казалось бы, всесторонне изученной проблемы. Рассматривать декабристов исключительно в контексте освободительного движения, конечно, нельзя, задача вписать их в историю русской культуры, общественного развития, предпринимательства видится продуктивной. Этому способствует и богатый, разносторонний материал, а предвзятые, тенденциозные работы последних лет, которые упоминаются в монографии, вызывают желание противопоставить им собственную осмысленную позицию.

Отсюда сдержанный и в то же время местами полемичный тон монографии, хотя справедливости ради надо сказать, что сегодняшняя историческая литература являет и другие примеры. Она не сводится к поверхностным, однобоким, а порой безграмотным работам о декабризме и декабристской эпохе, но представлена и вполне добросове-

стными, серьезными трудами (П.В. Ильин, В.Я. Гросул, С.А. Экштут). Это дает основание считать, что наметившаяся в середине XIX в. линия по осмыслению такого фундаментального исторического явления, как декабризм, не прервалась. Основные этапы этого осмысления прослеживаются в монографии доктора исторических наук, профессора В.П. Бойко. Она начинается с историографического очерка о пребывании декабристов в Сибири, где указаны работы крупных исследователей в соответствии с принятой периодизацией: М.О. Гершензон, А.И. Дмитриев-Мамонов, В.И. Семевский (дореволюционный период), М.Н. Покровский, М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин, С.Я. Штрайх, Л.К. Чуковская, Я.А. Гордин (советский период). Отдельно представлено современное состояние декабристоведения, показана значимость сибирской школы исследований, связанной с именами С.Ф. Коваля, Г.П. Шatroвой, Т.А. Перцевой, Н.П. Матхановой и др.

В монографии рассматривается предпринимательская деятельность декабристов в сибирской ссылке, их вклад в теорию и практику торгово-промышленного развития края и взаимоотношений с купечеством (2-я глава). Так или иначе, отдельных положений этого комплекса вопросов В.П. Бойко касался и раньше в работах, посвященных сибирскому купечеству. Желание обобщить наблюдения, имевшие выход на декабристскую тематику, вполне объяснимо. Но автор пошел дальше, он взялся обрисовать еще и социокультурный облик декабристов в контексте их повседневной жизни на поселении, благотворительной и врачебной деятельности в Сибири (3-я глава). Это расширяет представление о влиянии декабристов на сибиряков и дореформенную Сибирь в целом, но, с другой стороны, размывает рамки исследования, поскольку любое из этих направлений достойно отдельной работы. Отсюда фрагментарность, некоторая мозаичность, когда отдельные, убедительные или спорные, суждения обрываются на полуслове, вызывая ощущение недосказанности. Позиция автора, однако, выстраивается последовательно, а особую цельность исследованию придает список известных деятелей декабризма, оказавшихся в ссылке и на поселении,

«с характеристикой их образа жизни, занятий и отношений с местным населением». Документальное приложение удачно дополняет основной текст.

Обширный материал, уже введенный в научный оборот, и обилие трудов по теме «декабристы в Сибири», всякую попытку вернуться к ней обрекают на особо пристальное прочтение. Тем более, что круг источников остается неизменным: записки и письма декабристов, воспоминания о них сибиряков. Архивный материал (документы Томского государственного архива) использован в монографии лишь в заключительной главе, хотя и он, в целом, не уникален. Служебная переписка по поводу поведения и быта ссыльных декабристов находила отражение в ряде работ, она представлена во многих сибирских архивах. Тем не менее стоит указать факторы, оправдывающие возвращение к этой проблематике. Первое: не отягощенный идеологическими догмами, непредвзятый взгляд. Второе: желание противодействовать тенденции к принижению исторической роли декабристов, извращению фактов и сути происходившего. Третье: попытка приблизиться к новому пониманию актуальных вопросов путем обобщения документального материала. Всё это присутствует в монографии, равно как использование мало знакомых эпизодов из жизни и деятельности декабристов в Сибири.

Уже М.С. Лунин, один из ярких представителей дворянских революционеров, сформулировал особое положение «государственных преступников» в Сибири. Лишение чинов и дворянства ставило их вне общества, писал он, и отсюда было лишь два пути: упасть или подняться, стать выше существующего окружения. Как известно, большая часть декабристов посчитала приемлемым для себя второй путь. Они не просто сохранили силу духа и достоинство, не уронив себя в глазах местного населения, но и взялись поднимать сибиряков до своего культурно-образовательного уровня. Окраина империи, нуждавшаяся в обновлении, получила своих первых просветителей-интеллигентов. Они занимались благотворительностью, оказывали медицинскую помощь, открывали сельские школы и в то же время участвовали, по мере возможности, в развитии производительных сил Сибири, что показано в монографии. Предпринимательство, как элемент экономических построений декабристов, вызывает, особенно сегодня, неистощаемый интерес. В.П. Бойко приводит программные документы руководителей тайных обществ П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева. Обращается к запискам Г.С. Батенькова. Дает программу

преобразовательных мер таких декабристов, как И.И. Пущин, Д.И. Завалишин, Н.В. Басаргин. Хотя стоит посчитать, что, разбирая их взгляды, автор не обратился к работам Н.М. Бестужева, П.А. Муханова, А.Е. Розена и др., изданным в серии «Поллярная звезда».

Программные положения декабристов, справедливо указывает В.П. Бойко, были выполнимы и носили прогрессивный характер, а их реализация «связывалась в первую очередь с просвещением народа, появлением в Сибири людей нового поколения...». То есть шаги по подъему экономики увязывались с нравственным совершенствованием и целым комплексом мер, в том числе законодательного характера, — мысль, к которой пришли позже областники. Но декабристы не только теоретизировали, они стремились опробовать некоторые из своих идей на практике, хотя во многом и вынужденно, испытывая материальные затруднения. Примеры их практической деятельности, как успешные, так и неуспешные, показаны в монографии, где рисуется целая галерея «невольных сибиряков»: В.Ф. Раевский, С.Г. Волконский, А.И. Якубович, А.В. Поджио, В.А. Бечаснов, К.П. Торсон, И.И. Горбачевский, братья Беляевы и братья Бестужевы. При этом некоторые наблюдения автора вызывают интерес. Так, он подчеркивает: участие в войне 1812 г. и заграничных походах закалило характер молодых реформаторов и способствовало развитию качеств, необходимых для предпринимательства (готовность рисковать и т.д.). Даже запретительные меры правительства и статус поднадзорных не мешали многим из декабристов обеспечить себе достойное существование и внести вклад в становление сибирской статистики, этнографии, фольклористики, климатологии.

Любям добросовестным, с определенными понятиями о чести, вести торговые или промышленные дела в Сибири было затруднительно, обращает внимание В.П. Бойко. Это одна из причин неудачного опыта некоторых декабристов, тем более, их возможности (еще цитата из книги) «были невелики в связи с общим неблагоприятными для развития капиталистических отношений условиями». В то же время говорить о «буржуазной наклонности декабристов» не очень уместно, поскольку в большинстве случаев они, люди проникательные и образованные, исходили из принципа разумной необходимости: ничего другого в тех обстоятельствах предложить было невозможно. Совершенно лишней, особенно в контексте предшествующих рассуждений, видится также мысль о том, что «самим декабристам выйти в дельцы общесибирского масштаба не удалось». Заниматься

мелким бизнесом, выражаясь современным языком, они были обречены, и не стремились встать вровень с крупными купцами и золотопромышленниками. Хотя в действительности так и происходило, если говорить об их роли в социальной жизни Сибири и влиянии на общественный климат. Отношения декабристов с купцами (тема еще мало изученная), роль которых в сибирских городах возрастала, показаны в монографии с разных сторон, на характерных примерах.

Главу, где рисуется социокультурный облик ссыльных декабристов, нужно выделить особо, и пожалеть, что представить тему полнее, видимо, не входило в задачу В.П. Бойко. История жизни декабристов в Сибири, бытовые подробности знакомы исследователям по их письмам, предшествующим научным работам, но для широкого читателя эта внешняя канва, без сомнения, представляет большой интерес. Стоит согласиться: пропасти между крестьянами, низшим сословием, и просвещенными дворянами, среди которых были представители древних знатных фамилий, в Сибири не обнаружилось. Сельские жители видели в них гонимых властью, а значит, достойных сочувствия, лишенных свободы людей, а декабристы отмечали, как отсутствие в крае крепостного владения формировало особый тип личности-землепашца. Почва для сближения способствовала формированию семейно-брачных отношений, которые прослеживаются в монографии В.П.Бойко, в том числе на архивных материалах (В.Ф. Раевский, Е.П. Оболенский, братья Кюхельбекеры).

Но показательно и другое: в годы ссылки происходит сближение самих декабристов, людей с разным достатком и образованием, и здесь решающее значение сыграло, автор прав, возвращение к вере. Атеистов, в подлинном смысле, среди декабристов и не было, безверием современники называли тяготение к дуализму. Напряженная ду-

ховная жизнь, которая не прервалась в условиях ссылки, как видно из писем, способствовала усилению религиозного чувства, хотя отношение к официальной церкви и церковным обрядам у декабристов не менялось. Их волновала не внешняя, а внутренняя сторона моментов, касавшихся веры. В значительной мере, этим объясняется благотворительная деятельность декабристов в Сибири, их расположенность к добру, поворот к «реализации добрых и посильных дел помощи ближнему и нуждающемуся». В монографии эта связь «вера — филантропия — просветительство» подчеркивается особо. Добрую память о себе в Сибири декабристы оставили не только, а может, и не столько участием в развитии хозяйственных отношений (промысловое дело, земледелие и скотоводство, подряды на перевозки и т. д.). Их благотворное влияние сказалось, прежде всего, в сфере духовно-нравственной, в пробуждении общественной жизни сибирского края. «Постоянное присутствие нравственного императива» во всех начинаниях делало декабристов «нравственно цельными личностями», отмечает В.П. Бойко.

В главе о благотворительности и врачебной поддержке декабристов в Сибири он отсылает нас к современности. Многие сегодняшние проблемы объясняются тем, что «обществу не хватает в политике и обыденной жизни гуманизма и доброты», пишет автор, и призывает «вступить в “мысленный диалог” с другими эпохами, искать там примеры и образцы нравственного поведения». Ведь декабристы выступают в книге как обычные люди, а не рыцари, закованные с ног до головы в стальные доспехи, этим они и близки. Но совершая ошибки, пребывая в метаниях и поисках, они показывали пример высокого служения долгу, действовали в рамках непреложного кодекса чести, сохранив самые ценные человеческие черты, а потому могут служить нравственным ориентиром и в наши дни, несомненно.